

— Екатерина Алексеевна! — Валентина стукнула в дверь и тут же вошла, не дожидаясь разрешения. — Вам из агентства прислали!

— Что такое, что еще? — Катя рванула со стула халатик, она как раз примеряла новый бюстгальтер.

— Я говорю — вам билеты из агентства прислали! — громко, как глухой, повторила Валентина. — Сейчас курьер приезжал!

— Положите на стол! — с досадой сказала Катя, она запуталась в рукавах халата. — Спасибо! — спохватилась она. — Можете идти!

И увидела в зеркале насмешливый Валентинин взгляд. Противная баба верна себе, постучит для приличия — и сразу в комнату прется! Да еще смотрит всегда презрительно, чуть ли не с издевкой.

Катя не поняла, к чему сейчас относилась насмешка Валентины — к ее фигуре, к ее маленькой груди или еще что-нибудь придумала домработница. Сама себя Валентина величает экономкой, а на самом деле обычная домработница. Свекровь считает, что много прислуги в доме не требуется, кроме Валентины есть еще няня для Павлика. Та тоже считает себя не няней, а воспитательницей. Ее нашла свекровь, уволила веселую хохлушку Гаю — мальчик, говорит, вырос, пять лет уже, незачем ему общаться с малограмотной няней. Нужно обучать ребенка по специальной си-

стеме. Эта новая воспитательница, Эльвира Никодимовна (одно имя чего стоит!), представила кучу дипломов и рекомендаций. Конечно, может, у нее за плечами два института да еще разные курсы — целый портфель бумажек принесла, но Павлик ее боится. А она детей вообще не любит, в этом Катя уверена, и никакие дипломы ее в обратном не убедят. Но со свекровью не поспоришь...

Катя затянула халат шелковым пояском и подошла к туалетному столику, куда Валентина бросила билеты. Так, вылет послезавтра, пятнадцатого ноября, Петербург — Тенерифе... минуточку, а почему билетов только два? Взрослый и детский, Екатерина Коваленко и Павел Коваленко. А как же Петя?

Валентину она нашла на кухне, та резала лук, у Кати сразу же защипало глаза.

— Вы ничего не перепутали? — спросила она. — Здесь не хватает одного билета...

— У меня нет такой привычки, чтобы путать, — не поворачивая головы, ответила Валентина, — что мне курьер в руки отдал, то я вам и принесла.

— Он уже ушел?

— Давно! — Валентина посмотрела на Катю и пожала плечами, в глазах ее определенно читалось: «Спохватилась, тетеха! Ты бы еще через час прибежала!»

За что она Катю презирает? Ведь Катя никогда ей ничего плохого не делала! И только с Катей она такая, с мужем лебезит, в рот ему смотрит, перед свекровью по стойке «смирно» стоит: «Будет сделано, Елизавета Петровна!»

Ну, со свекровью-то все так. Это не женщина, а генерал. Да что там генерал — маршал Советского Союза!

Катя прошла по коридору в сторону кабинета свекрови и услышала голоса. Ну конечно, муж сейчас

там, где ему еще быть! Свекровь по утрам устраивает дома, как она выражается, предварительную летучку, то есть перед тем, как поехать на работу, обсуждает с сыном планы на день. А вечером, перед сном, она обязательно должна подвести итоги, устроить, опять-таки по ее собственному выражению, разбор полетов. Иногда эти их ночные разговоры затягиваются так, что Катя засыпает, не дождавшись мужа.

Ну это-то как раз неважно, они уже давно не молодожены, с сексом не напрягаются. Но свекровь завела такой порядок и никогда от него не отступает — хоть в будни, хоть в праздники, хоть в Новый год, хоть в день рождения Петенька должен перед сном у нее побывать и отчитаться о проведенном дне.

Хотя Петенькой она сына никогда не называет — только Петром. И самое интересное, что все решения свекровь принимает сама, муж Кате жаловался как-то, что на его предложения она лишь рукой махнет, будто он ребенок маленький, неразумный и к его словам всерьез относиться нельзя.

Катя нерешительно потопталась перед дверью. Очень не хочется сталкиваться со свекровью, но ведь скоро придет за ними машина, нужно торопиться.

— Петя! — Она постучала в дверь. — Можно на минутку?

— Ну что еще? — Свекровь недовольно повернула голову в ее сторону.

Катю словно окатило ледяной водой. И вроде бы как женщина свекровь не уродина — не толстая, волосы пышные, черты лица правильные, хоть и крупноваты. Но этот взгляд — тяжелый, пронизывающий и вместе с тем холодный, оценивающий...

Впрочем, на Катю она так не смотрит — давно уже разглядела и оценила, чуть ли не с первого взгляда. И мысленно ярлычок приколола. Уж если свекровь мнение о человеке составила, то это навсегда. На-

вечно. Петя говорит, что она никогда не ошибается, глаз у нее верный. Умная она женщина, с мужчинами в бизнесе на равных. Да только Кате с того ума ни жарко ни холодно. И Катю она не то чтобы не любит — много чести! — а просто не замечает. Как букашку какую-то, комара надоедливого. Надо бы прихлопнуть, да рукой махнуть лень. Так что пускай летает, пока не мешает. А если мешать начнет, мы его раздавим. Это мы можем.

— Простите, Елизавета Петровна, мне нужно с мужем поговорить! — сказала Катя, стараясь, чтобы голос ее звучал по возможности твердо и решительно.

— Говори быстрее! — отрывисто приказала свекровь. — Времени нет, сейчас машина придет! На совещание опаздываем!

«У вас каждый день совещание!» — подумала Катя.

— Петя, там какая-то путаница с билетами... — обратилась она к мужу, — понимаешь, из агентства прислали только два, на меня и Павлика...

— Слушай, ты что — сама разобраться не можешь? — махнул рукой муж и отвернулся — Ну, в самом деле, простой же вопрос...

Катя сразу поняла, что с ним что-то не то. Ведь за шесть лет семейной жизни она хорошо его изучила. В глаза не смотрит, голос какой-то суетливый... Врет, что ничего про билеты не знает, поняла она.

— В чем дело? — спросила она упавшим голосом. — Что случилось?

— Ничего не случилось, — спокойно ответила свекровь, — ты поедешь отдыхать с сыном, потому что Петр нужен мне здесь.

— Но всего одну неделю... — пролепетала Катя, — вы же обещали... задолго...

— У нас изменились обстоятельства, — отчеканила свекровь, — это связано с бизнесом, в подробности

я вдаваться не стану, ты все равно ничего не поймешь, да и не нужно тебе.

— Но мы так хотели... И Павлик просил...

Катя бормотала что-то, а сердце будто сжала жесткая ледяная рука. Она так ждала этой поездки! Лежа ночью, она представляла себе теплое море, ласковое солнце, и они втроем на пляже. Павлик строит замок из песка, собирает ракушки, ловит маленьких крабов, Петя учит его плавать, а она наблюдает за ними, лежа в шезлонге. Или теплой южной ночью, когда кожу ласкает прохладный ветерок, они сидят на террасе, попивая коктейли, или под тихую музыку она скользит в танце в объятиях мужа... Дорогой отель, вежливые официанты, приветливые горничные, и они втроем, своей семьей. Никаких разговоров о бизнесе, телефон не звонит. Свекрови нет...

Обычные мечты, ничего оригинального, все как бывает на курортах. И всего-то просила она неделю отдыха...

Она не заметила, что сказала эти слова вслух.

— Отдыха? — Свекровь подняла брови. — Было бы от чего тебе отдыхать! Ребенка на море вывезти нужно, я согласна. Вот и вывези, тебе все предоставлено — лучший отель, билеты в бизнес-классе.

Ведь муж ей обещал, она поверила, два платья купила, купальник новый... Катя ничего не видела от внезапно подступивших слез. Она неестественно заморгала, слезы все равно пролились и покатались по щекам.

— Прекрати реветь! — Свекровь брезгливо поморщилась. — Совершенно не из-за чего устраивать истерику! В конце концов, ты должна понять: бизнес — это главное! Мы стараемся для семьи, а стало быть, и для тебя тоже. Когда-нибудь Павлик получит все это, основание закладывается сейчас. А у тебя нет никаких причин расстраиваться, просто бабские капризы.

Живешь на всем готовом, ни в чем тебе отказа нету! Впрочем, о чем это я, ты не способна понять простые вещи. Вытри немедленно сопли!

Катя поискала платок, но в этом халатике не было карманов.

— Возьми себя в руки! — Свекровь схватила с письменного стола салфетку и протянула Кате.

— Елизавета Петровна, машина пришла! — Валентина стояла в дверях, глаза ее блестели от любопытства.

— Выйди вон и закрой дверь! — бросила ей свекровь, не обернувшись.

Валентину как ветром сдуло.

— Нам пора ехать. — Петр нарушил молчание. — Катя, вечером поговорим!

Проходя мимо, он попытался погладить ее по спине, но Катя дернула плечом и выскочила из комнаты. Его прикосновение показалось ей неприятным, хозяйским — так возница уверенно поглаживает строптивую лошадь.

— Значит, ты ей ничего не сказал? — спросила мать у сына. — Испугался бабской истерики и нытья?

Он отвел глаза.

— Ох, сын... — она вздохнула, — все-то за тебя матери делать приходится...

Катя провалялась в кровати все утро. Слезы кончились, но заболела голова, и сил не было встать. Да и зачем? На нее накатила тяжелая депрессия.

У нее никого нет. Муж ее не любит, если бы любил, нашел бы способ договориться с матерью, чтобы побыть с семьей хоть неделю. Свекровь Катю презирает, но Кате это все равно, она сама давно и прочно ненавидит ее. Да-да, эту женщину она ненавидит и не желает ей смерти и тяжелой болезни только потому, что нельзя желать никому плохого, ибо если

у того человека сильное защитное поле, то все плохие пожелания от него отскочат и на тебя же попадут. У свекрови не поле, а монолит, атомным взрывом не пробьешь, так что полетит все на Катю. Или, не дай бог, на Павлика.

Павлик, конечно, родная душа, но он еще маленький, ему не пожалуешься. Захотелось прижать светлую головку сына к груди и посидеть так хоть немножко. Но ведь сейчас время занятий, и эта ведьма Эльвира Никодимовна ни за что ее к сыну не пустит. «Главное — это режим!» — заявила она при первой встрече. И разумная строгость. Павлик ее боится, это точно, оттого и тихий стал, послушный. Вот бы Эльвиру уволить! Но нельзя, это свекрови ее кто-то рекомендовал.

Так что никого у Кати нет, чтобы пусть и не заступился, а хотя бы посочувствовал. Ни родителей, ни братьев-сестер, ни подружки закадычной. Насчет подруг свекровь сразу предупредила — в дом никого не водить, чтобы никто не шнырял да не рассматривал тут все. И не болтать никому про их жизнь. А какая это жизнь, когда они с Петей все время на своем канале пропадают, их и дома-то нету...

Но близких подруг как-то не завелось у Кати. Есть приятельницы, с которыми можно кофе попить или по магазинам побегать, такие же, как она, молодые мамы, что дома за мужьями сидят, так с ними откровенничать ей и в голову не придет. Там все друг друга знают, сразу же начнутся разговоры да пересуды. Дойдет до свекрови, устроит она Кате!

Мама далеко, в Штатах, в городе Бостоне. Живет там с мужем, вроде бы счастлива. В Россию не приезжает, в последнее время они даже по скайпу не разговаривают. Так, имейл пришлет — как ты, как Павлик? А Катя ей в ответ фотографию, маме и хватает.

Они с отцом развелись, когда Кате восемнадцать лет было. Отец до этого много работал, создавал фирму. А как все получилось, он чуть расслабился, тут его и подхватила Маргарита. А может, у них давно это было, только мама с Катей не подозревали. В общем, как уж там вышло, ребенком она его взяла или чем еще, но женился отец на Маргарите почти сразу же. Она его на пятнадцать лет моложе, роскошная такая девица была, где уж тут маме с ней соперничать... А через пять месяцев Маргарита сына родила.

Мама, кстати, неплохо развод перенесла, скандалов не устраивала. Отец им хорошую квартиру оставил, Кате учебу оплатил. Маме, конечно, пришлось снова работать пойти — английский преподавать, как раньше. Катя тогда училась и вовсю развлекалась, с отцом они встречались изредка, на праздники подарки дорогие он ей делал. Он всегда к ней хорошо относился.

С мамой они этот аспект никогда не обсуждали — что Катя вроде бы на его стороне.

Прошло года два — и мать ее огорошила: замуж выходит за американца и улетает в Бостон. Познакомилась с ним не то по работе, не то через дальнюю подругу — в общем, все решили быстро.

«Что тянуть, — сказала тогда мама, — меня тут ничто не держит. Ты сама проживешь, взрослая уже, отец поможет, если что. А у меня, может, больше шансов не будет...»

Как сказала — так и сделала. С отцом даже не повидалась на прощанье — видно, здорово на него обиделась. Прилетела из своего Бостона только один раз — на Катину свадьбу. Это уж через три года было. Маргарита за это время еще одного сына отцу родила.

После свадьбы Катя совсем перестала с отцом видеться — как-то все закрутилось. Простить себе потом

не могла, когда позвонила Маргарита и сказала, что отец умер. Утром поехал на работу — и прямо в кабинете, когда совещание проводил, упал замертво. Врач из «Скорой» так и сказал — зря, говорит, нас вызывали, тут и реанимация бы не спасла.

Мама на похороны не прилетела — извини, сказала по телефону, никак не могу. Кате и поплакать было не с кем, потому что Маргарита сразу дала понять, что вместе они больше ничего делать не будут. Они и раньше не дружили, а теперь уж...

Катя тогда на четвертом месяце беременности была, чувствовала себя плохо. А через некоторое время закрутились дела с наследством. Катя и понятия не имела, что отец ей что-то оставил. Оказалось — по закону полагается ей доля в отцовской фирме. С недвижимостью Маргарита подстраховалась, все на нее оформлено было, а с фирмой у нее номер не прошел. К тому времени, как позвонил адвокат и говорил с ее мужем, Катя перед родами совсем ничего не сообщала.

Беременность у нее была тяжелая, с осложнениями, врачи боялись, что ребенок не выживет. Положили ее в больницу за месяц до родов, там Катя такого нагляделась, что больше ни о чем думать не могла. Петя приходил, толковал что-то про наследство, она только отмахивалась. Еле он до нее достучался — это, говорит, важно очень. А для нее тогда только ребенок важен был.

Как раз тогда свекровь задумала канал телевизионный покупать, муж твердил, что очень выгодное предложение. Только денег у них не хватало, так что если Катину долю в фирме продать, то очень эти деньги бы помогли. Катя вдвойне обрадовалась — и что от нее все отстанут с наследством этим, и что семье своей новой она помочь может. Выписала мужу доверенность на ведение дел и стала родов ждать. Муж

приходил, ругался, что Маргарита с адвокатами Катю просто обобрала, фирму нарочно оценили дешево, чтобы ее доля меньше была. Но, в общем, все обошлось. С Маргаритой Катя с тех пор так и не встречалась — ни с той, ни с другой стороны желания не возникало.

Так что нет у Кати сейчас никого, кто бы выслушал и утешил. Не к психоаналитику же ходить...

Катя поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Вид ужасный — волосы всклокочены, глаза припухли. Надо привести себя в порядок и погулять с Павликом, как раз у него занятия кончатся, можно выцарапать его из когтей Эльвиры. Опять будут слезы и жалобы. Вот бы ее уволить... Но никак нельзя, свекровь не позволит.

Ничего, они улетят на море, и там хоть Эльвиры не будет. Катя повертела в руках билеты. Ого, оказывается, отель забронировали на две недели. Ну конечно, это Пете свекровь позволила отлучиться всего на неделю, да и ту отобрала, а Кате торопиться некуда. Ну и ладно, они прекрасно проведут время с Павликом.

— Господа, — Алексей Рокотов оглядел присутствующих и откашлялся, — предлагаю начать внеочередное собрание акционеров.

Акционеры сидели за длинным столом в комнате заседаний.

Это была одна из самых мрачных комнат в особняке, но в то же время красивая — сводчатые потолки, отделанные темными деревянными панелями стены, огромный камин.

Муратов посмотрел на часы и проговорил:

— Давайте, давайте... у всех есть дела, мне бы хотелось закончить не позднее шести.

— Я вас понимаю, Юрий Борисович. — Рокотов повернулся к старику со снисходительным почте-

нием. — Но Елизавета Петровна настояла на этом собрании. У нее есть какое-то важное сообщение, так что давайте отнесемся со всей серьезностью...

— Давайте, давайте! — Муратов взглянул на Рокотова неодобрительно. — Только не будем тратить время на пустые разговоры.

— Это не пустые разговоры, — сухо возразил Рокотов. — Это процедурные вопросы, которые делают наше собрание законным. Итак, объявляю собрание акционерного общества «Канал плюс» открытым. Кворум у нас имеется, так что собрание правомочно. Поскольку мне доверено вести сегодняшнее собрание, я предоставляю слово Елизавете Петровне Коваленко...

Елизавета Петровна обвела присутствующих насмешливым взглядом, откашлялась и проговорила:

— У меня одно очень простое предложение. Я предлагаю в этом году не выплачивать дивиденды по итогам финансового года.

— Что? — Фира Раевская уставилась на Елизавету своими выпученными, как у лягушки, глазами. — С какой стати? Рокотов докладывал, что финансовые результаты неплохие, можно даже считать, очень хорошие! С какой стати не выплачивать?

— Я очень рассчитывал на эти деньги! — выкрикнул, привстав, Бубенцов. — У вас-то денег куры не клюют, а мне приходится кормить семью!

— Александр Александрович, — неодобрительно проговорил Рокотов, — давайте не будем выходить за рамки...

— И не будем считать деньги в чужих карманах! — добавила Елизавета Петровна.

— Я не считаю ваши деньги! — не унимался Бубенцов, лицо его покрылось красными пятнами, — но я хочу понять, с какой стати вы не хотите выплачивать дивиденды... даже в позапрошлом году, когда резуль-